

бы), снижение уровня малообеспеченности по данным статистики, положительная динамика оценок населением материального положения своих семей и общей удовлетворенности работой по данным социологических опросов. Вместе с тем за последние два года (2016–2017 гг.) наметилось снижение удовлетво-

сти получаемыми доходами и, как следствие, ухудшение социального самочувствия белорусского населения. Таким образом, социологические исследования, ежегодно проводимые Институтом социологии НАН Беларуси, позволяют достаточно оперативно анализировать характер тенденции в общественном мнении граждан.

Список литературы

1. Рынок труда Республики Беларусь в социологическом измерении / Г. Н. Соколова [и др.]. Минск : Беларус. навука, 2014. 320 с.
2. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. // Экономический бюллетень. 2015. № 4. 100 с.
3. Human Development Report 2016. Human Development for Everyone. URL: <http://report.hdr.undp.org> (дата обращения: 10.09.2017).
4. Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь : стат. сб. / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск, 2017. 380 с.

© Е. В. Таранова

Ссылка для цитирования:

Таранова Е. В. Уровень и качество жизни белорусского населения: социологический анализ // Социально-гуманитарный вестник Прикаспия : научный журнал / Астраханский государственный архитектурно-строительный университет. Астрахань : ГАОУ АО ВО «АГАСУ», 2017. № 1–2 (6–7). С. 17–27.

УДК 316.334.52

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА КАК ГЕТЕРАРХИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ¹

Н. В. Дулина

Волгоградский государственный университет

В статье в русле теории гетерархии рассматриваются вопросы социально-экономического развития региона. Регион позиционируется как гетерархическая организационная модель, отличительной чертой которой в российской практике является ее неформальная природа.

Ключевые слова: регион, социально-экономическое развитие, теория гетерархии, гетерархическая система.

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGION AS A HETERARCHIC SYSTEM

N. V. Dulina

Volgograd State University

The issues of social and economic development of the region are considered in the article in the mainstream of the theory of heterarchy. The region is positioned as a heterarchic organizational model, which distinguishing feature in Russian practice is its informal nature.

Keywords: region, social and economic development, theory of heterarchy, heterarchic system.

Социально-экономическое пространство России характеризуется высокой внутренней неоднородностью. Это касается не только разнообразия природно-ресурсного потенциала, но и достигнутого уровня социально-экономического развития отдельных регионов [см., напр., 1, 2 и др.] и даже территориального поведения [3]. Иначе говоря, Россия – очень большая и очень «разная» страна, аршином общим, как в свое время утверждал Ф. И. Тютчев, ее не измерить. Не случайно при расчете, например, индекса социально-экономического развития того или иного субъекта РФ выделяются «регионы первой группы» (территории, уровень социально-экономического развития которых выше, чем в среднем по стране), «регионы второй

группы» и «регионы третьей группы» (территории, демонстрирующие наихудшие значения общего индекса социально-экономического развития). Индекс социально-экономического развития лидера рейтинга – Москвы (1091) – почти в четыре (3,66) раза выше, чем у замыкающей список Курганской области (298) [более подробно см., напр.: 4].

Столь значительная разница в величине индекса социально-экономического развития лишний раз подтверждает, что объективно возможное в социально-экономическом развитии на всех стадиях исторического процесса превращается в действительность лишь в ходе сотрудничества и соперничества социальных субъектов, избирательно относящихся к этим объек-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект 16-03-00463 «Динамика социально-экономического развития региона как гетерархической системы»).

тивными возможностями, тенденциям. Вследствие этого развитие общества происходит путем постоянного возникновения и разрешения проблемных, зачастую конфликтных ситуаций. Подобные ситуации вызываются не только объективной необходимостью выбора, но и различным, порой диаметрально противоположным отношением участвующих в историческом процессе социальных субъектов к возможностям, назревшим в объективных обстоятельствах их деятельности.

Доверяясь авторитетному мнению специалистов, можно утверждать, что в экономике России в настоящее время сложилась «умеренно-оптимистическая картина» [5, с. 3]. Ученые обращают внимание на то, что в 2016 г. «в целом произошло снижение большинства макроэкономических переменных», а при «отсутствии новых внешних шок» это практически гарантирует России низкие, но положительные темпы роста и выход к концу 2018 г. из отрицательной зоны» [5, с. 5].

«Умеренно-оптимистическую картину», сложившуюся в экономике страны, убедительно дополняет официальная статистика, которая фиксирует, что сбережения населения на конец мая 2017 г. составили 2523,0 млрд руб. и снизились на 11,2 % по сравнению с январем-маем предыдущего года [6, с. 191]. Росстат констатирует, что реальные располагаемые денежные доходы «в мае 2017 г. по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года снизились на 0,4 %, в январе-мае 2017 г. – на 1,8 %» [6, с. 192]. Косвенно об уровне безработицы может свидетельствовать показатель занятости населения экономической деятельностью (доля занятого населения в общей численности населения в возрасте 15–72 лет), который на конец мая 2017 г. составил 65,2 % [6, с. 209].

В разрабатываемых программах социально-экономического развития страны «структурные темпы роста экономики предполагаются крайне низкими, и рост происходит исключительно за счет циклической составляющей. В этих условиях достижение более высоких темпов роста, чем 2 % в год, и более быстрых темпов роста инвестиций в основной капитал и доходов населения возможно только при возобновлении устойчивого из года в год роста цен на нефть до 100 долл/барр и выше. Однако... такой сценарий маловероятен в среднесрочной перспективе, а в случае его реализации резко возрастут риски возникновения нового кризиса в экономике при стабилизации цен на нефть и откладывании реформ на будущее» [5, с. 7–8].

Представленная нами перспектива развития социально-экономической ситуации в стране со всей очевидностью подтверждает давно уже

известное: «главные пределы роста экзогенны, лежат вне системы; главные же пределы развития – эндогенны, заложены в ней самой» [7, с. 65]. Это делает необходимым смещение акцента на поиски и использование внутренних источников социально-экономического развития региона, что, в конечном итоге, может обеспечить России поддержание устойчивости в самых сложных глобальных ситуациях. Такое развитие событий, в свою очередь, делает необходимым поиск новых подходов к пониманию социокультурного пространства региона и методов управления им [8, 9]. Понятно, что если центр тяжести в формировании и реализации направлений социально-экономического развития страны смещается в регионы, то и главная ответственность перед населением за его жизнеобеспечение в такой ситуации ложится на региональные органы управления.

В непростой социально-экономической ситуации, складывающейся в регионах, органам управления необходимо выстраивать собственные сети взаимодействия с населением, так как известно, что «неограниченная способность удовлетворять желания – необходимый идеал для всех людей в прошлом, настоящем и будущем, поскольку независимо от того, что они хотят, они должны обладать способностью добиться этого» [7, с. 65]. Регион должен развиваться, а «развитие напоминает обучение, а не лечение болезней. Никто не может предписать развитие, но, хотя никто не может выучиться и выработать мотивы поведения за другого, один человек может облегчить другому приобретение и знаний, и новых интересов» [7, с. 64]. Регион – это не столько территория, сколько люди, удовлетворяющие на ней свои потребности и интересы.

В настоящее время региональным органам управления для принятия грамотных управленческих решений необходимо иметь четкое представление о том, что регион – это сложная социотехническая (техносоциальная) система, обладающая присущими любой системе свойствами, но также имеющая свою специфику, укорененную в долгой истории страны и конкретного региона.

Регион как объект исследования постоянно привлекает внимание отечественных ученых [см., напр., 1, 10–13 и др.], в том числе и наше [см., напр., 14–18 и др.]. В научный оборот прочно вошли такие категории, как социально-территориальная (поселенческая) общность, территориальные интересы, территориальное неравенство, территориальное (региональное) планирование и управление. Исследователи отмечают, что «интенсификация социальных отношений в масштабе всего мира» усиливает

«тенденцию к локальной автономии и региональной культурной идентичности» [цит. по: 19, с. 54–55]. Учитывая этот момент, а также процессы глобализации, исследования локальных сообществ имеют не последнее значение. Локальные сообщества, по Гидденсу, районированы или зонированы, при этом, помимо собственно пространственной характеристики, имеется в виду и временная протяженность существования [20, с. 185]. Конкретизируя мысль Э. Гидденса, А. Ю. Завалишин вводит в научный оборот категорию «территориальное поведение социальных субъектов», в основе которого лежит понимание того факта, что «действия (последовательность которых образует поведение), совершаемые субъектами, локализованы в пространстве и времени» [21, с. 83].

Можно сказать, что динамика современных социальных процессов делает необходимым поиск новых схем и моделей объяснения такого сложного техносоциального феномена, как регион. Он видится нам неким целостным образованием, территориально определяемым административными границами, системой, представляющей совокупность локальных социальных пространств (местных образований, сообществ), которые обладают своими уникальными характеристиками, связанными с природой, культурой, религией, формами деятельности [22].

Следует обратить внимание, что в определении региона, приведенном выше, совокупность локальных социальных пространств ограничивается в том числе и формами деятельности, а стало быть, включает уже не только ставшие привычными классические представления о социальности, которые предполагают наличие связей исключительно между людьми. Такие представления в последнее время претерпели существенную трансформацию, спровоцированную активным привнесением (начиная с 80-х гг. прошлого века) в человеческие отношения высокотехнологичных информационных объектов. Характерными примерами таких техносоциальных систем в настоящее время являются, например, социальные сети интернета и мировой финансовый рынок. Так, согласно утверждению В. С. Степина, рассмотрение сложных саморазвивающихся систем на современном (постнеклассическом) этапе развития науки должно включать следующий комплекс: «человек – технико-технологическая система плюс экологическая система плюс культурная среда, принимающая новую технологию» [23, с. 42]. По отношению к таким системам, полагает В. С. Степин, вырабатывается новое понимание объектов как процессов взаимодействия. Интересной можно назвать и позицию

К. Кнорр-Цетиной, которая утверждает, что сложные объекты познания, способные породить вопросы, представляют собой «скорее процессы и проекции, нежели какие-либо определенные предметы» [24, с. 284]. Вряд ли стоит особо доказывать, что регион – это сложная социальная сеть, которая объединяет бесчисленное множество процессов и быстро изменяющиеся «предметы», проекции которых только и подвластны исследователю. В связи с этим уместно напомнить, что жизнь всегда сложнее наших теоретических представлений о ней. Не случайно В. А. Лефевр, обращаясь к методологическим проблемам исследования сложных систем, говорит о необходимости трансформации классического постулата, согласно которому «объект не зависит от факта существования теории, отражающей этот объект» [25, с. 12], в том случае, когда исследованию поддается объект, сопоставимый или превосходящий исследователя по совершенству. Напомним, что до тех пор, пока Г. Каспаров – тринадцатый чемпион мира по шахматам – легко обыгрывал в шахматы самый совершенный на тот момент компьютер, сомнений по поводу превосходства именно исследователя по отношению к исследуемому объекту практически не было. Ведь в 1996 г. Г. Каспаров одержал уверенную победу (4:2), проиграв всего одну партию из шести. Но в 1997 г. чемпион проиграл компьютеру Deep Blue, и это при том, что своей игрой он убедительно доказал: среди людей ему нет равных! Никто и не ожидал, что достойным соперником шахматисту стать компьютер. За этим поединком наблюдал весь мир: ведь это была не просто игра, это было романтическое противостояние человека и машины. Однако компьютер переиграл чемпиона... И как переиграл! Компьютер сделал в первой партии ход, который не укладывался ни в какие теории. Ход был очень плохим, и через несколько минут компьютер сдался, но именно такой ход (не ожидаемый со стороны «противника») предопределил исход всего матча. Поражение Каспарова было поистине обескураживающим и посеяло тень сомнения в превосходство исследователя над объектом, который он исследует. Следует признать, что к настоящему времени ситуация заметно изменилась, сложно организованные системы живут собственной жизнью, не всегда подвластной даже наблюдению со стороны исследователя (забегая вперед скажем, что многое в таких системах определяется наличием неформальных связей и не ожидаемых ходов системы). Полагаем, что сложность (социальная сложность) социальных систем превосходит сложность любой технической системы, разработанной человеком, а по-

тому и количество неожиданных «ходов» может быть значительно больше.

В рамках наших размышлений важно обратить внимание на еще один аспект социальных систем – все возрастающую их социальную сложность. Вполне убедительно нарастание социальной сложности, например, в политике показано в книге Д. Дзоло «Демократия и сложность: реалистический подход». В этой работе он пишет: «Главными действующими лицами в политической жизни становятся ученые, эксперты или профессиональные консультанты <...> Тем временем гражданин, решения которого должны определяться не столько компетентностью, сколько личным опытом и личными предпочтениями, становится все более маргинальной фигурой» [26, с. 187]. Д. Дзоло убедительно показал, что усложнение политической структуры западных демократических обществ, опять-таки неизбежно, скрыто, но вытеснило из системы делегирования властных отношений запросы избирателя – рядового гражданина. На то, что современная власть, нуждаясь в технологических знаниях, вынуждена полагаться на технических экспертов, тем самым передавая им и долю власти, обращает внимание Ф. Фукуяма [27]. Справедливости ради следует сказать, что исследованием процессов координации в иерархических системах ученые занимались и ранее [см., напр., 28], но в настоящее время чаще говорят о необходимости делегирования власти вниз по иерархической лестнице и координации действий участников процесса.

Возвращаясь к тому, что регион – это сложная социальная сеть, обратим внимание: сеть, как форма спонтанной самоорганизации, возникающая в результате децентрализованной активности участников, по мнению Ф. Фукуямы, выступает одним из возможных решений проблемы делегирования полномочий. Но сеть способна возникнуть лишь там, где накоплен определенный объем социального капитала – неформальных норм, приходящих на место формальной организации [27]. Важным, на наш взгляд, в данном утверждении является указание на неформальность норм, сформированных на той или иной территории.

Одна из основных тенденций современного общества, на которую обращают внимание исследователи [см., напр., 26, 29 и др.], – это тенденция к специализации подсистем, сопровождающаяся усилением их взаимозависимости. Так, Д. Дзоло пишет: «Корреляция переменных социального поведения нарастает, а по мере этого нарастания возрастает и сложность понимания и прогнозирования» [26, с. 34]. Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что

нарастание социальной сложности характеризуется: а) разнообразием и б) дискретностью языков и смыслов (внутри все более дифференцированных общественных подсистем: ни для кого не секрет, что сказанное продвинутыми в информационных делах внуками их бабушки-дедушки не всегда правильно понимают), в) усилением взаимозависимости между подсистемами, г) ослаблением роли универсальных принципов и, наконец, д) все большей абстрактностью и обезличенностью социальных отношений [26, с. 32].

В данный перечень нарастание социальной сложности современного общества, на наш взгляд, необходимо добавить высокую изменчивость и неопределенность внешней среды, на которые в своих работах обратил внимание Д. Старк. Можно сказать, что в современных условиях высокой изменчивости и неопределенности внешней среды для исследования процессов, развивающихся в регионах, особый интерес представляет: а) понимание способа организации социального пространства (взаимосвязи между элементами системы), предложенного Д. Старком и получившего название «гетерархия» [30], б) понимание региона как самоорганизующейся, самовоспроизводящейся и саморазвивающейся системы (автопоэзис).

Понимание региона как совокупности локальных социальных пространств (местных образований, сообществ) позволяет рассматривать его как определенного вида организацию. Напомним, что под организационной структурой (от франц. *organization* – придаю стройный вид и лат. *structura* – строение, взаиморасположение и связь составных частей чего-либо) понимается разделение экономического объекта (предприятий, компаний) на подразделения, отделы, цеха и лаборатории в целях упорядочения управления, налаживания взаимодействия между ними, определения ответственности, подчиненности и соподчиненности [31, с. 326].

Возвращаясь к теории вопроса, напомним, что Дэвид Старк в своих размышлениях обращает внимание на существование чрезвычайной неопределенности в современном мире, вызванной: а) стремительностью технологических изменений или крайним непостоянством рынков в западных экономиках, б) политикой и институциональной неопределенностью в восточных экономиках. Реакцией на эту неопределенность, по мнению Д. Старка, служит возникающая самоорганизующаяся форма, называемая гетерархией (*heterarchy*), представляющая собой «новую модель организации, которая не является ни рынком, ни иерархией. Если иерархия включает отношения зависимости, а рынок

подразумевает независимость, гетерархия подразумевает отношения взаимозависимости» [32, с. 12].

Действительно, согласно неоинституциональной теории рынок и фирма (организация) призваны олицетворять собой альтернативные способы организации производства. Рынок – это господство спонтанности, когда распределение ресурсов осуществляется исключительно через механизм цен. В противоположность рынку фирма (организация) представляет собой иерархическую систему, в рамках которой все ключевые вопросы решаются на основе единоначалия. Так, например, Р. Коулз пишет: «Фирма есть система отношений, возникает зависимость от предпринимателя» [33, с. 19]. В связи с этим особую важность для фирмы (организации) приобретает вопрос выбора соответствующей данной форме бизнеса организационной структуры, поскольку удачно выбранная организационная структура способна обеспечить действенность управления, а значит и эффективность функционирования фирмы. В приложении к региону можно сказать, что для эффективности его функционирования в настоящее время особое значение приобретает вопрос выбора соответствующей конкретному региону организационной структуры. Ведь мы создаем организации – по крайней мере по замыслу – для того, чтобы удовлетворить наши запросы как индивидов. Наши потребности – как потребителей, как работников, как акционеров, как граждан» [34, с. 30].

Используя для анализа адаптивности перспективу организационных инноваций, Д. Старк рассматривает процесс приспособления организаций к меняющимся внешним условиям как возникновение разнообразия внутри крупных организаций (предприятий, фирм), для которого характерны следующие процессы: горизонтальное распределение власти и конкурирующие системы верований [30, с. 59]. Происходит усиление взаимозависимости между подразделениями, возрастает их автономия от центра, что, в свою очередь, ведет к усилению вовлеченности каждого подразделения в поиск инновационных решений. Гетерархии отличаются от других организационных форм «конструктивной организационной рефлексивностью» [30, с. 54], что означает их способность к обучению в постоянно изменяющейся среде. Они характеризуются интенсивной динамикой внут-

ренних преобразований, непрерывной перестройкой внутренних границ и перегруппировкой ценностей [32, с. 12, 13]. Внутренняя гетерогенность делает реакцию гетерархий на изменчивость среды более гибкой. В конечном счете она должна служить развитию у организаций способности к адаптации в долгосрочной перспективе (*adaptability*), которая, в отличие от сиюминутного приспособления (*adaptation*), позволяет избежать проблем краткосрочной рациональности [цит. по: 35, с. 106]. Иными словами, системе необходимо повышение творческой активности входящих в нее членов, расширение разнообразия их поведения, рост профессиональной квалификации и развитие способностей, повышение мотивации к труду, признание их целей и, в свою очередь, признание ими целей системы как своих собственных.

Важный момент, на который следует особо обратить внимание. В обоих случаях, как утверждает Старк, будь то трансформирующиеся общества или экономически развитые страны (о чем мы уже упоминали выше), гетерархии возникают как формы приспособления организаций к изменчивости внешних условий, что и предопределяет их сходство.

В связи с этим уместно напомнить, что многообразие и разнообразие регионов России задачу выбора соответствующей конкретному региону организационной структуры многократно усложняет. Единого решения не может быть, что называется, по определению. Достаточно напомнить широко известный тезис М. Грановеттера, о том, что в поведении людей – для объяснения хозяйственного действия – необходимо принимать в расчет его укорененность в социальной структуре [36].

Отличительной чертой гетерархических организационных моделей, которые можно обнаружить в российской практике, является их неформальная природа. Мы разделяем мнение И. Б. Олимпиевой: в отечественной практике термин «неформальность» прежде всего означает, что изменения носят скрытый характер, и «реальная глубина этих изменений становится очевидной лишь тогда, когда в фокус исследования попадают не только и не столько данные официальной статистики, но широкий спектр реальных экономических взаимодействий и организационных отношений, которые не находят отражения в официальной отчетности» [35, с. 107].

Список литературы

1. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы : коллективный научный труд./ сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н. И. Лапин. М. : Весь Мир, 2016. 360 с.
2. Дулина Н. В., Каргаполова Е. В. Между заторможенным ростом и модернизацией регионов. Южный федеральный округ // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 22–29.
3. Завалишин А. Ю. Территориальное поведение социально-территориальной общности (на примере региональных общностей России) : автореф. дис. ... д-ра соц. наук : спец. 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы. Хабаровск, 2009.

4. Рейтинг социально-экономического развития регионов. URL: www.credinform.ru/ru-Ru/herald/details/19c92def28d9
5. Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития / В. Аверкиев, А. Божечкова, С. Дробышевский, Д. Логинова, П. Трунин, М. Турунцева, В. Узун, М. Хромов ; под ред. В. С. Гуревича, С. М. Дробышевского, П. А. Кадочникова, А. В. Колесникова, В. А. Мау, С. Г. Синельникова-Мурылева ; Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Всероссийская академия внешней торговли. 2017. № 1 (39). 23 с.
6. Социально-экономическое положение России. Январь – май 2017 года / Федеральная служба государственной статистики. М., 2017. 398 с. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/social/osn-05-2017.pdf (дата обращения: 22.07.2017).
7. Акофф Р. Планирование будущего корпорации. М. : Прогресс, 1985. 327 с.
8. Дулина Н. В., Каргаполова Е. В. Институционно-регулятивная компонента модернизации управления в регионе // Вестник Евразийской академии административных наук : научно-теоретический журнал. 2017. № 1 (38). С. 49–55.
9. Дулина Н. В., Каргаполова Е. В. Социальное самочувствие жителей как отражение эффективности управления в регионе: административно-правовой аспект (по итогам социологического исследования «Волгоградский Омнибус») // Вестник Евразийской академии административных наук : научно-теоретический журнал. 2017. № 1 (38). С. 89–96.
10. Лапаева М. Г., Лапаев С. П. Регион как пространственная социально-экономическая система государства // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 8 (144). С. 133–143.
11. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Институт философии РАН ; сост., общ. ред.: Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. М. : Academia, 2013. 416 с.
12. Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? / под ред. Н. В. Зубаревич и др. М. : Поматур, 2005. 280 с.
13. Русина Н. Л., Панова Л. В., Сафронов В. В. Продолжительность жизни в регионах России: значение экономических факторов социальной среды // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. X. № 1 (38). С. 140–161.
14. Социокультурное пространство региона: методология исследования : монография / Н. В. Дулина, О. В. Естрина, Т. И. Игнатенко, Н. А. Овчар, М. М. Самчук, О. И. Ситникова / Волгоградский гос. техн. ун-т. Волгоград : Волгоградское науч. изд-во, 2011. 132 с.
15. Регион: пространство смыслов и содержание : коллективная монография / Н. В. Дулина, Е. В. Каргаполова, Д. П. Ануфриев, А. Ю. Арясова, Е. О. Беликова, И. Н. Наумов, В. А. Парамонова, М. А. Симоненко, В. В. Токарев ; под общ. ред. Н. В. Дулиной, Е. В. Каргаполовой. Волгоград : Волгоградское науч. изд-во, 2013. 294 с.
16. Современный российский регион: оценка состояния и тенденции развития / Е. В. Каргаполова, Д. П. Ануфриев, А. Ю. Арясова, Л. В. Боронина, Е. С. Дегтярева, Н. В. Дулина, С. В. Каргаполов, Н. А. Овчар, В. В. Токарев. Волгоград : Волгоградское науч. изд-во, 2012. 185 с.
17. Социокультурный портрет региона / Е. В. Ануфриева, Н. В. Дулина, Е. Г. Ефимов, Н. А. Овчар, В. В. Токарев ; отв. ред. Е. В. Ануфриева ; Волгоградский гос. техн. ун-т. Волгоград : ИУНЛ «Политехник», 2013. 155 с.
18. Токарев В. В., Дулина Н. В. Мониторинг общественно-политической ситуации в Волгоградской области: опыт прикладного исследования : монография / ЗАО ЦСМИ «Аналитик». Волгоград : Волгоградское науч. изд-во, 2011. 253 с.
19. Добрякова М. С. Исследования локальных сообществ в контексте позитивизма, субъективизма, постмодернизма и теории глобализации // Социология: 4 М. 2001. № 13. С. 27–59.
20. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуриации / пер. с англ. И. Тюриной. М. : Академический проект, 2003. 525 с.
21. Завалишин А. Ю., Рязанцев И. П. Территориальное поведение. Опыт теоретико-методологического анализа // Социологические исследования. 2005. № 10. С. 83–92.
22. Овчар Н. А. Территориальная идентичность как фактор формирования общности // Социальные проблемы современного российского общества: региональный аспект : материалы Всероссийской конференции «XVII Уральские социологические чтения». Екатеринбург, 2008. С. 227–229.
23. Степин В. С. Исторические типы научной рациональности в их отношении к проблеме сложности // Синергетическая парадигма. «Синергетика инновационной сложности». М. : Прогресс-Традиция, 2011. С. 37–46.
24. Кнорр-Цетина К. Социальность и объекты. Социальные отношения в постсоциальных обществах знания // Социология вещей. Сборник статей. М. : Территория будущего, 2006. С. 267–306.
25. Лефевр, В. А. Рефлексия. М. : Когито-Центр, 2003. 496 с.
26. Дзоло Д. Демократия и сложность: реалистический подход. М. : Издат. дом ГУ – ВШЭ, 2010. 320 с.
27. Фукуяма Ф. Великий разрыв. М. : АСТ, 2008. 474 с.
28. Месарович М., Мако Д., Такахаха И. Теория иерархических многоуровневых систем. М. : Мир, 1973. 344 с.
29. Орлов Д. Е. Аутопойезис техносциальных объектов и нарастание социальных рисков : дис. ... канд. филос. наук : спец. 09.00.11 – социальная философия. М., 2015. 131 с.
30. Старк Д. Гетерархия: неоднозначность активностей и организация разнообразия в постсоциалистических странах // Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу. М. : РОССПЭН, 2002. С. 49–95.
31. Современный экономический словарь / под ред. Б. А. Райзберга. М. : ИНФРА-М, 1997. 329 с.
32. Stark D. Ambiguous Assets for Uncertain Environments: Heterarchy in Postsocialist Firms // Экономическая социология. 2000. Т. 1. № 2. С. 7–34.
33. Коулз Р. Г. Природа фирмы // Теория фирмы / под ред. В. М. Гальперина. СПб. : Экономическая школа (Вехи экономической мысли; вып. 2), 1995. С. 11–32.
34. Уотермен Р. Фактор обновления / общ. ред. В. Т. Рысына. М. : Прогресс, 1988. 368 с.
35. Олимпиева И. Б. Постсоветские гетерархии: трансформация крупных научных организаций в период экономических реформ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 3. С. 105–121.
36. Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Экономическая социология. 2002. Том. 3. № 3. С. 44–58.

© Н. В. Дулина

Ссылка для цитирования:

Дулина Н. В. Социально-экономическое развитие региона как гетерархической системы // Социально-гуманитарный вестник Прикаспия : научный журнал / Астраханский государственный архитектурно-строительный университет. Астрахань : ГАОУ АО ВО «АГАСУ», 2017. № 1–2 (6–7). С. 27–32.